

ЧТЕНИЕ на ЛЕТО

*переходим
в 3-й класс*

8-е издание,
исправленное и переработанное

Москва

УДК 821-93
ББК 84(0)я43
Ч-77

Оформление переплёта *М. Михальской*

Все произведения в хрестоматии без сокращений

Чтение на лето. Переходим в 3-й класс. — 8-е издание, исправленное и переработанное. — Москва : Эксмо, 2026. — 304 с. — (Для школьников и учеников начальных классов).

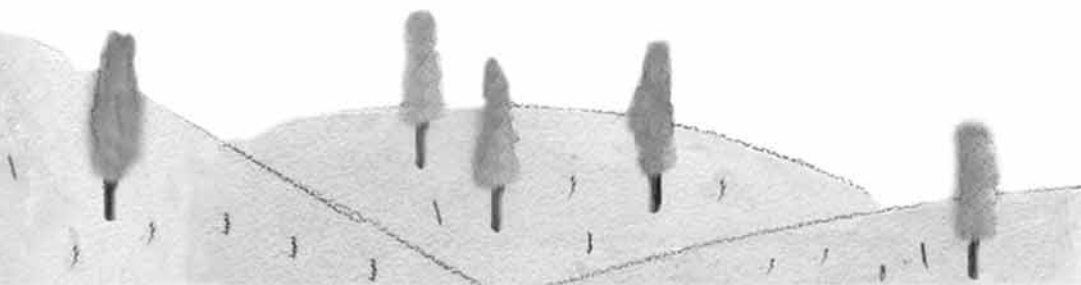
ISBN 978-5-04-244864-5

Хрестоматия содержит большинство произведений, которые задают для чтения на лето учащимся, перешедшим в 3-й класс. Интересная, увлекательная, мудрая книга содержит в себе сказки народов мира, рассказы, стихотворения, произведения устного народного творчества, прозу и поэзию отечественных авторов XIX–XX веков, зарубежную классику. Для удобства школьников сборник разделен по темам: «Начинает сказка сказываться», «Детства счастливые годы», «Мои звери», «Не позволяй душе лениться», «Уж сколько раз твердили миру», «Родного неба милый свет», «Волшебные сказки», «Преданья старины глубокой», «Лесной голосок», «Здравствуй, школа!». Адресовано детям 9–10 лет.

**УДК 821-93
ББК 84(0)я43**

ISBN 978-5-04-244864-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Начинает сказка
сказываться...

Летучий корабль

Русская народная сказка

Жил-был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний за- всегда был одет худо — в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто построит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых лепёшек, разного мясного и фляжку воды и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал проситься, чтобы и его отпустили, мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных лепёшек да фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». — «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так зачем же ты

идёшь?» — «А бог его знает!» — «Ну, если так, — сказал старик, — то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». — «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» — «Ничего, вынимай; что Бог дал — то и съедим!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо чёрного хлеба лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, — сказал ему старик, — как Бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд кваску». Во фляжке вместо воды очутился квас; попили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою¹, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» — «Здоров, небоже». — «Что

¹ Топором.

ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается». — «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что — неизвестно. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». — «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь — несёт человек за спиною полон мешок хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идёшь?» — «Иду, — говорит, — добывать хлеба на обед». — «Да у тебя и так полон мешок за спиною». — «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». — «Садись-ка с нами!» Обьедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду». — «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». — «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?» — «Да это не прос-

тые дрова». — «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». — «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?» — «В село». — «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её — так зараз холодно делается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нём все мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного знатного человека, а все простые люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за обычного мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, когда царский обед закончится, мёртвой и живой воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся, — сказал

ему Скороход, — я за тебя справлюсь». Пришёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал мёртвой и живой воды: «Успею, — думает, — воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил Скорохода; Скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать мешков печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся, — отвечает Обьедало, — мне ещё мало будет!» Пришёл слуга, явил царский указ. «Хорошо, — сказал дурень, — давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё съел. «Эх, — говорит, — мало! Ещё б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские ре-

чи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». — «Не бойся, — говорит Опивало, — я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломой: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». — «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров. — А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый

полк войска». — «Хорошо, сделаю! Только если царь и после того станет отговариваться, то завоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

Пёрышко Финиста-Ясна сокола

Русская народная сказка

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит:

— Купи мне на платье!

И середняя то ж говорит.

— А тебе что, дочь моя любимая? — спрашивает у меньшей.

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-Ясна сокола.

Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а пёрышка Финиста-Ясна сокола нигде не нашёл. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновами обрадовал.

— А тебе, — говорит меньшей, — не нашёл пёрышка Финиста-Ясна сокола.

— Так и быть, — сказала она, — может, в другой раз посчастливится найти.

Большие сёстры кроют, да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается.

Опять собирается отец в город и спрашивает:

— Ну, дочки, что вам купить?

Большая и середняя просят по платку купить, а меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-Ясна сокола.

Отец поехал в город, купил два платка, а пёрышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит:

— Ах, дочка, ведь я опять не нашёл пёрышка Финиста-Ясна сокола!

— Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится.

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает:

— Сказывайте, дочки, что вам купить?

Большие говорят:

— Купи нам серьги.

А меньшая опять своё:

— Купи мне пёрышко Финиста-Ясна сокола.

Отец купил золотые серьги, бросился искать пёрышко — никто такого не ведаёт; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несёт коробочку.

— Что несёшь, старина?

— Пёрышко Финиста-Ясна сокола.

— Что за него просишь?

— Давай тысячу.

Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери.

— Ну, дочь моя любимая, — говорит он меньшей, — наконец и тебе купил подарок; на, возьми!

Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала её целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светёлкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — пёрышко Финиста-Ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сёстры и спрашивают:

— С кем это, сестрица, ты разговариваешь?

— Сама с собой, — отвечает красная девица.

— А ну, отопрись!

Царевич ударился об пол — и сделался пёрышком; она взяла, положила пёрышко в коробочку и отворила дверь. Сёстры и туда смотрят и сюда заглядывают — нет никого!

Только они ушли, красная девица открыла окно, достала пёрышко и говорит:

— Полетай, моё пёрышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!

Пёрышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист-Ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры весёлые. Сёстры услышали и сейчас к отцу побежали:

— Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает.

Отец встал и пошёл к меньшей дочери, входит в её горницу, а царевич уж давно обратился пёрышком и лежит в коробочке.

— Ах вы, негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей. — Что вы на неё наговариваете? Лучше бы за собой присматривали!

На другой день сёстры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист-Ясный сокол, бился, бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе порезал.

— Прощай, красна девица! — сказал он. — Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридцать земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменные изложешь, чем найдёшь меня, добра молодца!

А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы. Всплеснула руками:

— Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста-Ясна сокола.

Шла, шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала; приходит к избушке и стучится:

— Хозяин с хозяйшкой! Укройте от тёмной ночи.

Отвечает старушка:

— Милости просим, красная девица! Куда идёшь, голубушка?

— Ах, бабушка! Ищу Финиста-Ясна сокола.

— Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!

Наутро говорит старуха:

— Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретёнце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется.

Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, ещё каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась:

— Добрые хозяева! Укройте от тёмной ночи красну девицу.

— Милости просим! — отвечает старушка. — Куда идёшь, красная девица?

— Ищу, бабушка, Финиста-Ясна сокола.

— Далеко ж тебе искать будет!

Поутру даёт ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста-Ясна сокола!

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу; шла, шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница:

— Добрые хозяева! Укройте от тёмной ночи красну девицу.

Опять вышла старушка:

— Поди, голубушка! Милости просим! Откуда идёшь и куда путь держишь?

— Ищу, бабушка, Финиста-Ясна сокола.

— Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живёт теперь в таком-то городе, на поварихиной дочери там женился.

Наутро говорит старуха красной девице:

— Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к поварихе в работницы.

Сказано — сделано. Пришла красная девица на поварихин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Повариха смотрит да радуется.

— Слава богу! — говорит своей дочке. — Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду всё делает!

А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретёнце и села прясть: прядёт — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это поварихина дочь:

— Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?

— Пожалуй, продам!

— А какая цена?

— Позволь с твоим мужем ночь побыть.

Поварихина дочь согласилась.

«Не беда! — думает. — Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретёнце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста-Ясна сокола дома не было: целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился.

Сели ужинать; красная девица подаёт на стол кушанья да всё на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнаёт её. Поварихина дочь подмешала Финисту-Ясну соколу сонного зелья в питьё, уложила его спать и говорит работнице:

— Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!

Вот красная девица отгоняет мух, а сама слёзно плачет:

— Проснись-пробудись, Финист-Ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменные изглодала да всё тебя, милого, искала!

А Финист спит, ничего не чувствует; так и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нём золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала поварихина дочь.

— Продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи.

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем ещё одну ночь побыть.

— Хорошо, я согласна!

А Финист-Ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру.

Сели ужинать, красная девица подаёт кушанья да всё на него смотрит, а он словно никогда и не знал её. Опять поварихина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять.

И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась поварихина дочка.

— Продай, красная девица, продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи!

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем третью ночь побыть.

— Хорошо, я согласна!

Вечером прилетел Финист-Ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять.

Вот красная девица мух отгоняет, а сама слёзно причитывает:

— Проснись-пробудись, Финист-Ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменные просвиры изглодала — всё тебя, милого, искала!

А Финист-Ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует. Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щёку слеза красной девицы, и он в ту же минуту проснулся:

— Ах, — говорит, — что-то меня обожгло!

— Финист-Ясный сокол! — отвечает ему девица. — Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменные просвиры изглодала — всё тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!

Тут только узнал Финист-Ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя.

Сговорились и ушли от просвирни.

Поутру хватилась поварихина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; повариха приказала лошадей заложить и погналась в погоню.

Ездила, ездила, и к трём старухам заезжала, а Финиста-Ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист-Ясный сокол со своею суженой возле её дома родительского; ударился о сыру землю и сделался пёрышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу.

— Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?

— Богу ходила молиться.

А случилось это как раз около Святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене.

— Что ж, дочка милая, — спрашивает он меньшую, — собирайся да поедем; нынче день такой радостный.

— Батюшка, мне надеть на себя нечего.

— Надень наши уборы, — говорят старшие сёстры.

— Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь.

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула своё пёрышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем.

Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали.

Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой такой царевич с царевною пожаловал?

На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев